

*Summary***Muzichenko P.P. Judicial System according to Statute of the Great Duchy Lithuanian, 1529. – Article.**

The VI section of Statute, 1529, which fastened by an indirect way the system and competence of state and public courts of the Great Duchy Lithuanian in the first half of the XVII century, is analysed in the article. Intention of legislator to put in order the judicial system of the state is traced.

Key words: court of Pany-Rada, commissar court, court of governor of province, district court, castle (city) court, commune courts.

УДК 340.15(476+477),,16”

С.А. Калинин

**БЕЛАРУСЬ И УКРАИНА В XVII ВЕКЕ: ИСТОРИОСОФИЯ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Формирование постсоветских государств активизировало поиск цивилизационных и геополитических оснований собственной государственности. В ходе сложных и противоречивых тенденций глобализации, создания новых геополитических действующих лиц и центров такие основания сжато характеризуют, в том числе путем пересмотра исторических фактов и концепций, притязания на роль в мировой геополитике. Это актуализирует значимость историософии развития государственности, интерпретирующей события в рамках мировоззренческой схемы, выраженной в емкой идеологеме (Москва – третий Рим, Украина – не Россия, Ось зла, *jeszcze Polska nie zginęła*). Идеологема самоидентифицирует государство (нацию) и идентифицирует его соседей посредством коллективного бессознательного национального (социального) отождествления (“мы – они”, “свой – чужой”), предполагающего модели государственного строительства и естественные (для своих) формы отношения к “чужим”. Элементом идеологемы является представление о “золотом веке” собственной нации (государства)¹ и причинах

¹ Говоря о нации, мы имеем в виду современные сложившиеся этносы. В рамках же историософии происходит достаточно упрощенная экстраполяция современных представлений на прошлое, которое выступает основанием легитимации настоящего. Поэтому говорить о Киевской Руси как украинском либо русском государстве (в современных значениях этих слов) некорректно, так как и украинский, и современный русский этносы сложились гораздо позднее. Таким образом, Киевская Русь выступает общим наследием для современных Беларуси, России, Украины.

Данная проблема в контексте определения содержания курсов “История государства и права Беларуси”, “История государства и права зарубежных государств”, “История государства и права славянских народов” (бывшая “История государства и права СССР”) дискутировалась на кафедре теории и истории государства юридического факультета БГУ. Киевская Русь рассматривается в рамках истории зарубежных стран (славянских народов), а ее отдельные части (Полоцкое и Туровское княжества) – в рамках истории Беларуси. При таком подходе любое современное государство рассматривает свою историю в рамках иных государств обычно лишь применительно к собственной территории.

его упадка. Это требует комплексного подхода к эпохе казацких войн, самоидентифицируемой как “золотой век” создания Украинского казацко-гетманского государства, освобождающегося от литовско-польской зависимости [1]. Влияние этой эпохи на регион современных Украины, России, Польши, Беларуси, Литвы требует уяснения ее места в историософии развития иных государств (наций). Так, война России и Речи Посполитой 1654–1667 гг. была частью казацких войн, где Беларусь выступала основным театром боевых действий. Потеряв более половины своего населения, она была отброшена на десятилетия назад, что облегчило дальнейшую полонизацию и похоронило надежды на создание собственного государства. До этого Беларусь с казаками, боровшимися за свои интересы в границах Короны², напрямую не сталкивалась. Рейды С. Наливайко и других до 1654 г., часто под лозунгом защиты православия, можно рассматривать и в качестве агрессии, направленной на включение части Юго-Восточной Беларуси в Русское княжество. Однако рейды лишь ухудшали положение православных как потенциальных мятежников.

Для российской историографии действия русских и украинских войск – это помощь белорусскому народу против Литвы (в смысле современной Летувы) и Польши, идентифицируемых (часто небезосновательно) угнетателями. Первоначально православные белорусы приветствовали наступавших, однако ситуация резко изменяется. В ответ на террор, грабеж ценностей, депортацию населения и торговлю пленниками начинают действовать “шиши”, города вырезают московские гарнизоны. При этом московские и казацкие войска противопоставляют себя, последние также претендуют на Беларусь. Отметим противоположность самоидентификации различных групп населения Великого княжества: Януш Радзивилл заключает Кейданскую Унию с лютеранской Швецией, направленную против Варшавы и Москвы; Жмудская дивизия не желает воевать вне Жмуди и Лифляндии. Для Польши этот период – начало Руины, упадка *misji kulturalnej Polskiej na Wschodzie*, завершившегося разделами Польши и вытеснением с территорий “более низкого культурного уровня”, без акцента на провоцирующую конфликты проиезуитскую направленность собственной политики. Так, термин “Речь Посполитая Польская” игнорирует федеративность государства [13] и подтверждение независимости Великого княжества Статутом 1588 г. Конкуренция российской и польской историографии “исключает” любой из собственно белорусских и украинских подходов. Однозначная позиция Украины еще не определилась, хотя общепризнанным является достаточно спорное утверждение о существовании независимого государства. Фактически к середине XVII века произошел конфликт государственного строительства различных наций, взаимоисключающих друг друга и вызревавших длительное время. В этом контексте и следует выявить отношение Беларуси к казацким войнам и Переяславской Раде 1654 г.

²

Несомненно, что среди казаков было много выходцев с территории Беларуси, бежавших от политического, религиозного и социально-экономического гнета. Это подтверждается распространением среди современных украинцев фамилий с корнем “Литвин”, то есть выходец из Литвы (Литвинко, Литвиненко, Литвинчук, Литвинюк и т.д.).

В данный период Беларуси как государственного (квазигосударственного) образования не было, она входила в Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское, совместно с Коронай образующего Речь Посполитую. Русская дореволюционная и советская историография во многом отождествляли средневековую Литву и современную Летува (*Lietuva*), используя концепцию о литовском (летувистском) завоевании Руси. В результате белорусский и украинский этносы рассматриваются как угнетенные и стремящиеся к воссоединению с Россией. Ряд дореволюционных ученых (М. К. Любавский, М. Ф. Владимирский-Буданов и др.) стали рассматривать Великое княжество как альтернативный Москве центр объединения древнерусских земель (Литовско-Русское государство). В рамках советской историософии, нуждавшейся в захватах западных русских земель, что оправдывало бы правомерность московских освободительных походов [7], данные исследования были свернуты, но возобновлены с распадом СССР. В средневековой Литве основу территории составляли белорусские земли, то есть государственность до определенного периода носила старорусский (старобелорусский) характер, но с балтской династией [5], с постепенным формированием современных белорусской, литовской и украинской наций. Однако этническое отождествление себя с различными культурно-историческими типами (Н. Я. Данилевский) в рамках одного государства обусловило раскол пассионарности государства (Л. Н. Гумилев), его “разрыв” между цивилизационными центрами Запада и Востока.

Следовательно, казацкие войны были частью конфликта конкурирующих моделей идентификации/самоидентификации и, как следствие, территориальных притязаний. Россия XVII века рассматривала себя единственным законным наследником Киева и объединителем Руси на основе ряда религиозно-историософских трактатов (“Сказание о великих князьях Владимирских”, “Москва – третий Рим” и т.д.). Это давало уже Ивану III, обращаясь к Великому князю Литовскому Александру, требовать возвращения всех русских земель с Киевом, Полоцком, Витебском как захваченных Литвой-Жмудью. В этом случае Переяславская Рада и союз с казаками отвечали притязаниям России, которые трансформировались в концепцию “Москва – новый Иерусалим, Россия – новый Израиль” [8]. Украинская наука XIX–XX века в противовес схеме “Киев – Москва” выдвинула концепцию Украины-Руси (М. Грушевский), центр которой переместился в Галицко-Волынское княжество, что говорит о “вписывании” Украины в историю Западной Европы как более “культурного” и “демократического” региона, противостоящего российскому “деспотизму”. Польские притязания на территорию Беларуси, Украины и Литвы выражались через культурную католическую миссию “некультурным” восточным православным славянам, идеалом которой стала Кривская уния. Литовские (летувистские) притязания сложились из предположения о завоевании жмудскими (жемайскими) князьями отдельных древнерусских земель, данная концепция в принципе поддерживалась московской и польской историографией. Реально эти притязания складываются к середине XVI века, когда в результате разгрома крестоносцев Жмудь перестала быть театром постоянных военных действий, а тяжесть войн переместилась

на восточные границы Великого княжества и основным противником стала Москва. Существование постоянного этнического различия славян и жемайтов подтверждается наличием Вильны (Ольгерд) и Троков (Кейстут) как отдельных центров для управления славянскими и жемайтскими землями. Ориентация князей (Гедимин и Ольгерд) на Русь привела к усилению государства, на Жмудь, Польшу и Запад (Ягайло и Витовт) – заложила основания его упадка.

События XVI века разводят Беларусь и Украину в различные государства. Украина, согласно привилегиям Сигизмунда II Августа, вошла в состав Польши. Однако Великое княжество (современные Летува и Беларусь) до конца отстаивало свою независимость, воюя на два фронта³. Это указывает на саморазделение белорусов и украинцев, которые благодаря Люблинской унии (1569 г.) уклонились от Ливонской войны, фактически отказавшись от построения единого государства в рамках Великого княжества. Однако польская политика вынудила украинцев стремиться к определенной автономии (суверенитету). Экстраполяция “ухода” к Польше в обмен на “золотую вольность” на события последующей украинской истории может предположить тенденцию развития Украины как стремление к обретению собственной государственности под чужим протекторатом посредством “сталкивания” прежнего и нового сюзерена при требовании для себя максимальных привилегий (Хмельницкий – Польша (Русское княжество), Россия; Выговский – Польша; Дорошенко – Оттоманская Порта; Мазепа – Швеция).

На наш взгляд, ряд правильных трактовок указанного периода можно дать, используя теорию Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах [4], пассионарно-цивилизационную концепцию Л. Н. Гумилева [2, 3] и идеи И. Л. Солоневича о русской государственности [10, 11, 12]. Н. Я. Данилевский противопоставляет Россию (Российскую империю) и Европу, относя их к различным культурно-историческим типам. В рамках такого типа родственные этносы ведут борьбу за создание единой империи, к чему в рамках восточнославянских этносов стремились Польша и Россия. Неудача Польши во многом обусловлена культурным “превосходством” и высокомерием по отношению к православным этносам. Последние же не идентифицировали поляков как “своих”.

С позиций Л. Н. Гумилева, Киевская Русь характеризует упадок пассионарности восточных славян, которая к XIII веку перемещается к субэтносам (окраинам этнического ареала), приводя к формированию ряда трех центров (Вильно, Галич, Москва), претендующих на “Киевское наследство”. В этом случае концепция Киевской Руси как украинской державы представляется спорной. Л. Н. Гумилев на основе географических критериев (изотерма января) выделяет западную (Польша) и восточную (Беларусь, Литва, Россия и Украина) европейские христианские цивилизации. В результате литовского пассионарного толчка активные литовские (жемайтские) племена подчинили древнерусские земли.

³ Отметим, что Великое княжество сохранило свой независимый (автономный) статус в Речи Посполитой только благодаря позиции магнатов. Шляхта на Витебском сейме 1562 г. в качестве условия продолжения Ливонской войны выдвигала унию с Польшей и достижения равности в правах.

Однако агрессия крестоносцев на Жмудь вызывает сомнение в направлении сил на завоевание иных земель, ставя под угрозу собственную. Более убедительной представляется версия о приглашении литовских князей в русские княжества [6, 9]. Таким образом, Москва и Вильно соперничают по объединению Руси, однако Литва в интересах Жмуди изменила вектор своего развития на Запад, что раскололо пассионарность Великого княжества и идентификацию населения по религиозным основаниям, центры которых находились за пределами государства, ослабив его территориальную самоидентификацию.

В этих условиях и завязываются основные узлы противоречий, которые затем будут разрешаться в середине XVII века. Великое княжество Московское, самоидентифицирующее себя по религиозному признаку (“Святая Русь”), возникнет, окруженное врагами, в рамках Русского улуса Золотой Орды, будет вести постоянные войны за выживание, что и обусловит большую централизацию власти, воспринимаемой Западом в качестве деспотической. Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское должно будет остановить натиск крестоносцев, построить взаимоотношения с Польшей как форпостом Запада и Католичества и предложить иные варианты объединения Руси. Галицко-Волынское княжество к середине XIV века будет разделено Польшей и Великим княжеством. Причем в 1340 г. Львов сдастся Казимиру Великому в обмен на привилегии, которые по требованию Рима король соблюдать не будет. То есть Львов свяжет свою судьбу с западноевропейской цивилизацией, а Киев и Запорожье останутся в лоне восточноевропейской цивилизации, что обусловит цивилизационный раскол Украины⁴.

Русский монархист и белорус по происхождению И. Л. Солоневич указывает, что Русь (Россия) всегда возникала как единая имперская государственность, основой которой являлась уживчивость с другими, возможность объединиться вокруг единого центра, отказавшись от узких интересов, и способность стоять до конца за свое государство. Естественной формой правления для этого является самодержавная монархия, сдерживающая корыстные интересы отдельных сословий, определяющая каждому его тягло, закрепляющая служебную роль элиты, то есть обеспечивающая демократические формы правления на низах. Гибель государственности происходит по вине отдельных сословий, защищающих собственные интересы в ущерб общенациональным, ограничивая самодержавие. Таким образом, упадок Галицко-Волынского княжества и Великого княжества Литовского обусловлен связанностью интересов элиты с ослаблением своего государства и изменением религиозно-культурной идентификации, что привело к ограничению верховной власти и отстранению от власти широких народных масс. В России же тягло несли все, а царь нес ответственность за государство перед Богом. В Западной Руси элита заставляла низы служить себе, но не общим интересам, что позволяло из-за конфликта самоидентификаций внутри общества просить помощи у соседей, которые имели собственные

⁴ В отличие от Украины Беларусь была разделена между Западом и Востоком только в период между двумя мировыми войнами, однако и это наложило определенные различия между геополитическими симпатиями “западников” и “восточников”.

цели. Так, казаки, тяготевшие к трансформации в служилое сословие, стремились максимально закрепить и элитизировать свой статус, в том числе путем ограничения членства (реестр). Шляхта как служебное сословие стремилась к “золотой вольности”, то есть полной бесконтрольности от верховной власти. Православное духовенство, подчиненное Константинополю, опасалось переподчинения патриарху Московскому и всея Руси, однако должно было учитывать реальное давление униатов и католиков. Крестьяне же желали под Белого царя как символ стабильности и законности.

Таким образом, неудача Хмельницкого и противоречивость оценок Переяславской Рады во многом обусловлены неспособностью либо невозможностью гетмана согласовать противоречивые интересы всех сословий. В этом случае Украина, потерявшая огромное количество сил, просто была разделена своими соседями. Беларусь, сохранившая территориальную целостность (кроме Смоленска) и независимость от Москвы, была полностью ослаблена. Россия реально и окончательно подорвала силы Речи Посполитой, заложив основы своей империи, все XVIII столетие до разделов контролировала Речь Посполитую. Польша, пытаясь предотвратить гибель, стремилась к унификации населения путем ликвидации независимости Великого княжества, жесткой полонизации и католической миссии, чтобы исключить возможность для российского вмешательства. Однако Россия проиграла идеологически, так как, по верному мнению И. Л. Солоневича, дворяне при Петре I, ликвидировав как самодержавие, так и свободу всех сословий, создав дворянскую военную диктатуру в форме абсолютной монархии, реализовали польский шляхетский проект, что привело к революции 1917 г.

Литература

1. Боярська З. І. Історія держави і права України / З. І. Боярська. – К., 2001.
2. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. – М., 1994.
3. Гумилев Л. Н. От Руси к России / Л. Н. Гумилев. – М., 1994.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М., 1991.
5. Ермаловіч М. Беларуская дзяржава – Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск, 2001.
6. Ермаловіч М. Гісторыя аднога міфа / М. Ермаловіч. – Мінск, 1994.
7. Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада / Р. Лінднэр. – Мінск, 2003.
8. Перевезенцев С. В. Русская религиозно-философская мысль X – XVII вв. (Основные идеи и тенденции развития) / С. В. Перевезенцев. – М., 1999.
9. Сільчанка М. У. Агульная тэорыя права : вучэб.-метад. комплекс / М. У. Сільчанка. – Гродна, 2008.
10. Солоневич И. Л. Диктатура импотентов / И. Л. Солоневич. – Новосибирск, 1994.
11. Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия / И. Л. Солоневич. – М., 2003.
12. Солоневич И. Л. Народная монархия / И. Л. Солоневич. – Минск, 2001.
13. Kallas M. Historia ustroju Polski X-XX w. / M. Kallas. – Warszawa, 2001.

Анотація

Калінін С.А. Білорусь та Україна у XVII ст.: історіософія взаємовідносин.

– Стаття.

Стаття присвячена конфлікту державотворчих процесів на території Центральної та Центрально-Східної Європи у XVII ст. Ідентифікація Західної України з Європою, а центральної та східної – з Росією стала головною причиною поразки у створенні Козацької держави. Білорусь же внаслідок російсько-польських війн зберегла свою самостійність, але була повністю ослаблена. Польща, програвши Росії політично, виграла ідеологічно, оскільки в подальшому Росія реалізувала саме її станово-державницький проект.

Ключові слова: Русь, Білорусь, Україна, Польща, самоідентифікація.

Summary

Kalinin S.A. Byelorussia and Ukraine in XVII s. : Historiosophy of Relations.

– Article.

The article is devoted to the conflict of state-forming processes on the territory of Central and Central Eastern Europe in XVII. Western Ukraine was authenticated with Europe, and Central and Eastern Ukraine – with Russia. That factor became the main reason of defeat in creation of the Cossack state. Byelorussia saved its independence as a result of Russian-Polish wars, but was fully weakened. Poland, losing to Russia politically, had won ideological, as Russia realized then exactly its estate project.

Key words: Russia, Byelorussia, Ukraine, Poland, authentication.

УДК 340.15(474.5),13/15":343.24

М.В. Єнур

**РУСЬКА ПРАВОВА ТРАДИЦІЯ ЯК ФАКТОР ФОРМУВАННЯ
ІНСТИТУТУ ПОКАРАННЯ В ЗАКОНОДАВСТВІ
ВЕЛИКОГО КНЯЗІВСТВА ЛИТОВСЬКОГО**

Правова акультурація, якої зазнало Велике князівство Литовське внаслідок інкорпорації руських земель, виявилася, зокрема, у виникненні литовсько-руського права, яке продовжувало традиції права Київської Русі і зберігало з ним органічний зв'язок. Тож інститут покарання в праві українських земель у другій половині XIV – на початку XV ст. в основних рисах збігався з таким у давньоруському праві.

У ранньофеодальному суспільстві (а саме такими були суспільства як Київської Русі, так і Литовсько-Руської держави у другій половині XIV – першій половині XV ст.ст.) основну увагу приділяли об'єктивній стороні злочину, що було зумовлено поглядом на злочин як на виключно приватну справу між винуватим і його жертвою, на справу, що не становила ніякого суспільного інтересу, бо матеріальна шкода, яка спричинялася злочином, стосувалася